

РЕПЛИКА

ТОЧКИ НАД «І»

КАК МОЖНО объяснить «загадочную» историю с Ю. Любимовым, главным режиссером Московского театра драмы и комедии, причины его более чем странного поведения в Париже?

Накануне отъезда театра на гастроли корреспондент «ЛГ» обратился к главному режиссеру с просьбой высказать свое отношение к попыткам организаторов пресловутой венецианской «Биеннале-77» использовать его имя и имя театра в антисоветских целях. Ю. Любимов ответил, что эту тему он уже затронул в интервью «Уните», и предложил «ЛГ» использовать текст, опубликованный в итальянской газете. Что мы и сделали в номере за 2 ноября прошлого года.

Каково же было наше недоумение, когда по прибытии в Париж Ю. Любимов публично обвинил «ЛГ» в «искажении» его интервью и заявил о том, что по возвращении в Москву «подаст на газету в суд».

В суд! Что случилось?

Недоумение наше увеличилось еще больше, когда Ю.

Любимов стал публично высказываться об отношении к руководимому им театру. Так, Ю. Любимов в беседе с корреспондентами «Юманите» сетовал, в частности, на то, что театр работает в очень трудных условиях и, в отличие от других театральных коллективов Москвы, лишен внимания и помощи со стороны органов культуры. Написано буквально: «Театр на Таганке не получает государственных субсидий. Порядок установлен такой, что он сам себя финансирует».

Узнали мы из этого интервью и о том, что в театре, оказывается, существует «общий котел», то есть зарплата одинакова для всех — от машиниста сцены до постановщика.

В самом деле, было от чего прийти в недоумение.

Начнем с «Литературной газеты».

В своем «опровержении» Ю. Любимов подчеркнул, что в интервью «Уните» правильно изложена его точка зрения на планы организаторов «Биеннале» в от-

ношении театра. Читаем еще раз:

«Я глубоко возмущен всеми этими махинациями и скандальными историями, которые затевают, спекулируя моим именем и именем нашего театра... Поставить мое имя под программой, которую я не принимаю, которую я не обсуждал и не согласовывал, — это факт, по меньшей мере, поразительный».

Так написано в «Уните». Но ведь то же самое опубликовано и на страницах «ЛГ»! Впрочем, может быть, Ю. Любимов рассердился на то, что в одном месте этой цитаты есть расхождение в словах? Вместо «не согласовывал и не обсуждал» у нас напечатано «не знаком». Но разве это меняет суть сказанного?

Неужели такое стилистическое «искажение» Ю. Любимов намеревался положить в основу судебного иска к «ЛГ»? А может быть, возмущение махинациями организаторов «Биеннале-77», о чем он говорил, будучи в Москве, почему-то сменилось в Пари-

же благодушным к ним отношением?

Так обстоит дело с «искажениями» в «ЛГ».

Теперь насчет финансового положения театра.

Вот справка Главного управления культуры исполкома Моссовета: в 1977 году, после того, как в театральных коллективах страны была повышена зарплата артистам, Московскому театру драмы и комедии предоставлена дотация (субсидия) в 32 тысячи рублей, на 1978 год запланировано 34 тысячи.

Но названные цифры — лишь малая часть субсидий, получаемых театром от государства. Более 370 тысяч рублей затрачено на капитальный ремонт здания. Около 200 тысяч рублей театр получил за последние 5 лет на приобретение оборудования. Заказывается строительство нового великолепного здания театра, на что государство уже затратило два с половиной миллиона рублей! Так «сам себя финансирует» театр, руководимый Ю. Любимовым.

Что же касается «общего котла», то в справке Главного управления культуры сказано следующее: театр работает по штатному расписанию, основанному на со-

циалистическом принципе оплаты по труду — артисты получают зарплату в зависимости от категорий. В коллективе 20 актеров высшей категории, 30 актеров первой категории и т. д. Никакого «общего котла» в театре, естественно, нет.

И разве это не забота о театре, не внимание к нему, что пять его актеров удостоены звания заслуженного артиста РСФСР, а главный режиссер совсем недавно награжден орденом Трудового Красного Знамени!

Что же случилось с Ю. Любимовым в Париже? Что побудило его в одном случае обвинять советскую газету в мнимом «искажении», грозить ей судом, а в другом, когда дело касалось деятельности театра, действительно искажать реальное положение вещей? Но может быть, на этот раз виноват не сам Ю. Любимов, а те, кто брал у него интервью в Париже? Тогда почему же он не протестовал и не угрожал судом им?

Наше недоумение начало рассеиваться по мере дальнейшего поступления в редакцию «ЛГ» французской прессы, которая неоднозначно отнеслась к гастролям театра. «Фигаро» и «Франс суар» писали, что Театр на Таганке чрезвычай-

но старомоден, что сценические решения порой удивительны и архаичны («Как будто мы находимся в шапите где-то в провинции полвека назад»; «То, что нам показывают, напоминает плохо разогретое рагу... Это стиль, близкий неоимпрессионизму, столь дорогому для немецкого кино 1928 года») и что непонятно, на чем основана новаторская репутация театра.

Почему же некоторые буржуазные органы печати так язвительно нападали на Ю. Любимова? Из соображений принципиальности в вопросах эстетики?

Конечно же, нет!

Не эстетикой, а политикой объясняется отношение буржуазной печати к главному режиссеру Московского театра драмы и комедии. И «разгадка» всей истории представляется нам такой. В интервью «ЛГ» Ю. Любимов, что естественно для советского деятеля искусства, выразил свое возмущение махинациями организаторов пресловутой «Биеннале-77». И получил «возмездие» на страницах реакционной прессы, всячески «Биеннале» рекламировавшей.

Судя по всему, это поколебало Ю. Любимова. Ему, видимо, показалось, что успех гастролей руководимого им театра (которые, несмотря на

нападки буржуазной прессы, в конечном итоге вызвали несомненные симпатии французского зрителя, чему мы, естественно, рады) находится под угрозой, а сам он теряет репутацию новатора. И Ю. Любимов стал «метаться». Начал с громкого отказа от собственного интервью в «ЛГ» и угроз по ее адресу, а кончил новыми заявлениями, в которых как бы зывал к сочувствию.

Может возникнуть еще один вопрос: почему мы медлили с этой публикацией? Да потому, что ждали — как видите, долго — и надеялись: вернувшись из гастрольной поездки, Ю. Любимов придет в редакцию, коллектив которой он оскорбил, и — уж не знаем, как это назвать, — объяснит, что ли, свое более чем странное поведение в Париже. Или, наоборот, осуществит свою угрозу и обратится в суд.

В редакцию он не пришел. И в суд, конечно, не подал — человек, знающий цену зрелищному впечатлению, он, наверно, представил себе, как неприглядно будет выглядеть, когда судьи зачитают вслух перевод интервью в «Уните» и соответствующий ему текст в «ЛГ».

Тогда мы и решили поставить точки над «і».